

И.Г. Ковалев ©

«Ударить сверх возможностей»¹: Великобритания в вооруженных конфликтах XXI века

Аннотация. В статье анализируется процесс эволюции стратегии и основных приоритетов национальной безопасности Великобритании в начале XXI в. Рассматривается специфика участия британских вооруженных сил в ключевых современных региональных и локальных конфликтах. Исследуются идеологические основы и приоритеты внешней политики консерваторов и лейбористов. Определяются причины и факторы, влияющие на трансформацию политики британских правительств в процессе разработки и применения адекватных инструментов реагирования на новые вызовы и угрозы.

Abstract. The article examines the evolution of the UK strategy and national security priorities in early XXIst century. The author considers the specificity of the involvement of the British armed forces in modern regional and local conflicts, explores the ideological framework and foreign policy priorities of the conservative and labour governments. Reasons and factors influencing transformation of policy in the process of development and application of adequate tools of response to new challenges and threats are determined.

Ключевые слова: Великобритания, вооруженный конфликт, внешнеполитическая стратегия, национальная безопасность, Консервативная партия, Лейбористская партия.

¹ Отсылка к словам Дугласа Хёрда, главы Форин-офиса в кабинете Дж. Мейджора: «Britain punched above its weight in the world».

Keywords: the United Kingdom, armed conflict, foreign policy strategy, national security, Conservative party, Labour party.

Соединенное Королевство исторически принимало участие во всех войнах глобального характера, а также в большинстве наиболее значимых вооруженных конфликтов регионального и локального уровней. Целый ряд факторов, таких как богатое имперское прошлое, наличие военных баз в заморских территориях, членство в крупнейших международных организациях и военно-политических блоках, достаточно подготовленные и имеющие постоянный боевой опыт вооруженные силы, серьезные экономические интересы в разных регионах мира и, конечно же, самые тесные дружественные и союзнические отношения с США, обуславливают сохранение такого тренда и в обозримой перспективе. Вместе с тем эволюция международных отношений, изменение экономического потенциала стран мира, появление новых вызовов и угроз, наконец, произошедшая в последние годы очевидная трансформация сущности и характера военных действий диктуют необходимость постоянной корректировки как стратегических целей, так и тактических задач участия Великобритании в современных вооруженных конфликтах. В XXI в. эти процессы в связи с формированием новой многополярной системы международных отношений обрели особую актуальность и значимость.

Не стоит забывать и о последствиях, к которым войны разного масштаба могут привести во внутренней политике. С одной стороны, наличие внешнего противника является важным фактором консолидации и сплочения нации, роста патриотизма. Успешная и желательно быстрая военная кампания приносит колоссальные политические дивиденды тем политикам, которые, верно взвесив все доводы «за» и «против», все же решились прибегнуть к такому способу решения проблемы. Достаточно вспомнить взлет популярности М. Тэтчер и Консервативной партии после триумфа в Фолклендской войне. С другой стороны, всегда следует помнить о том, что, согласно римской поговорке, «армия ослов под руководством льва сильнее армии львов под руководством осла». Просче-

ты политического руководства в стратегии и тактике вооруженного конфликта, как правило, приводят к фатальным последствиям.

Интервенционистская стратегия Т. Блэра

В начале текущего столетия кабинет Т. Блэра в силу ряда причин столкнулся с очевидной необходимостью выработки новых подходов к участию Великобритании в вооруженных конфликтах. Во-первых, это диктовалось окончательным осознанием того факта, что Соединенное Королевство утратило способность самостоятельно вести даже региональные войны. Фолклендская война 1982 г. с Аргентиной стала последней, в которой британцы принимали участие вне рамок коалиций. Во-вторых, распад СССР и окончание холодной войны исключили из международной повестки дня возможность масштабного вооруженного столкновения с серьезным противником. Как следствие, начался достаточно длительный процесс сокращения военных расходов, а в правительственном «Стратегическом оборонном обзоре» (1998) основной упор делался на краткосрочное участие британских вооруженных сил в экспедиционных операциях в составе коалиций, что должно было позволить им «наносить более весомые удары» [Strategic defence..., 1998, p. 31].

Вместе с тем уже с 2001 г. Великобритания все более и более активно начинает вовлекаться в различные региональные вооруженные конфликты. Идеологическим обоснованием такой стратегии стала известная концепция англосаксонского мессионизма, оправдывавшего вмешательство, в том числе и военное, в дела тех стран, в которых систематически грубо нарушаются права и свободы человека. На этой основе возникла концепция «этичной» внешней политики. Впервые она была высказана в новой «Доктрине международного сообщества», с которой Т. Блэр выступил в апреле 1999 г. в Чикагском экономическом клубе. «В новом тысячелетии диктаторы должны знать, что они не могут безнаказанно проводить этнические чистки и применять репрессии против своих народов. Мы боремся не за территории, – подчеркивал британский премьер-министр, – а за новый интернационализм, при котором грубое подавление этнических групп неприемлемо»

[Doctrine., 1999]. Фактически он объявлял законным вмешательство во внутренние дела других государств под любым благовидным гуманитарным предлогом со стороны коалиции стран, желающих и стремящихся навести соответствующий порядок.

Практическим воплощением нового подхода к международным отношениям стала операция НАТО против Югославии. В ходе ее подготовки и проведения именно британские власти были самыми активными в деле обвинения режима С. Милошевича в нарушении прав национальных меньшинств (сознательно завыис при этом масштабы этнических чисток в 40 раз), а также обоснования необходимости проведения бомбардировок Югославии и наземной операции для предотвращения гуманитарной катастрофы. Британский контингент в Косово оказался самым большим (12 тыс. человек), а сам Т. Блэр в своих мемуарах отмечал, что готов был направить на Балканы до 50 тыс. военнослужащих [Blair, 2010 а, р. 238]. В реальности же эти морально-этические лозунги были призваны оправдать стремление Соединенного Королевства сохранить свои позиции одной из ведущих мировых держав, навязать свое видение и понимание демократии, продемонстрировать союзникам, прежде всего США, свой высокий боевой потенциал, поддержать национальный бизнес в различных регионах мира и противостоять стремлению конкурентов, в частности Китая, укрепить свои позиции в бывших колониальных владениях и развивающемся мире.

Ставка политического руководства Соединенного Королевства на агрессивно-силовую стратегию достижения внешнеполитических и экономических целей соответствующим образом повлияла на формулирование армейских оперативно-тактических принципов. К примеру, в опубликованном в 2000 г. Министерством обороны документе «Операции по обеспечению мира» командирам воинских подразделений и штабам всех видов вооруженных сил Соединенного Королевства предписывалось обеспечивать «постоянную готовность к применению силы» и «наличие достаточных сил и средств для подавления сопротивления миссиям по поддержанию мира и принуждению к миру» [Peace support., 2000, р. 23–25].

Говоря об интервенционистской стратегии Великобритании в начале текущего столетия, нельзя не отметить и персональную роль премьер-министра Т. Блэра. Именно благодаря его усилиям и настойчивости страна оказалась вовлеченной в иракскую и афганскую кампании. Столкнувшись с очевидной пробуксовкой инициированных в конце XX в. масштабных конституционных реформ, лидер лейбористов решил в еще большей степени переключить свое внимание на внешнюю политику. При этом, как отмечал бывший министр иностранных дел лорд Оуэн, «Т. Блэр действовал слишком настойчиво, игнорировал мнения членов своего кабинета и не обращал никакого внимания на важные детали» [Owen, Davidson, 2009]. Отчасти такая позиция премьер-министра подкреплялась успехом британского военного вмешательства в гражданскую войну в Сьерра-Леоне в 2000 г. В рамках данной операции была оказана помощь правительственным войскам в их противостоянии с повстанцами и фактически предотвращен распад государства. Сам Т. Блэр оценивал эту операцию как «один из наименее обсуждаемых эпизодов за все десять лет моего пребывания на посту премьер-министра, однако это одна из тех вещей, которыми я больше всего горжусь» [Blair, 2010 b].

Вдохновленный этим успехом, лидер лейбористов в 2001 г. всецело поддержал планы американской администрации Дж. Буша-младшего по созданию коалиции против талибов, обвиненных в поддержке террористических атак на США 11 сентября 2001 г. В рамках этого процесса британский премьер-министр в течение всего двух месяцев провел более 50 встреч с зарубежными лидерами, активно агитируя их за присоединение к формируемому альянсу. В итоге он по праву заслужил не самое почетное прозвище «пудель мистера Буша», а в 2003 г. стал вторым подданным Британской короны после У. Черчилля, который был награжден золотой медалью Конгресса США за «верность и прочный союз с США» [H.R. 1511: To award., 2003]. Впрочем, тогда все эти шаги еще не противоречили, а скорее в полной мере соответствовали общим принципам, закрепленным в «Стратегическом оборонном обзоре», принятом в 1998 г. Лидер лейбористов, очевидно, надеялся, что при поддержке такого мощного союзника, как США, обла-

дая неоспоримым техническим и военным преимуществом, удастся одержать быструю победу над талибами и укрепить британские позиции в стратегически важном регионе, интерес к которому его страна проявляла еще со времен знаменитой «большой игры». Кроме того, учитывая роль Афганистана в мировом наркотрафике и международном терроризме, данная операция вполне вписывалась в концепцию «этической» внешней политики.

Британский воинский контингент был задействован в войне с талибами с октября 2001 г. в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 1386. Первоначально британские силы наносили авиационные удары и удары крылатыми ракетами с кораблей, а также проводили ограниченные наземные операции с участием сил специального назначения. Но уже в ноябре 2001 г. Соединенное Королевство отправило в Афганистан и сухопутные войска [UK troops., 2015]. В задачи британского воинского контингента, размещенного в южной провинции Гильменд, входили противодействие террористам, борьба с поставками наркотиков, а также осуществление миротворческих операций и обеспечение стабильности в регионе. Однако добиться быстрого успеха не удалось. Союзники явно не учли предыдущий опыт, в том числе опыт трех англо-афганских войн XIX – начала XX в. Столкнувшись с партизанской войной и постоянными террористическими акциями в городах, антиталибская коалиция стала нести все возрастающие потери, что привело к заметному росту антивоенных настроений, в том числе и в Великобритании.

Однако, взявшись в афганскую авантюру, Т. Блэр, по всей видимости, утратил чувство реальности и без толики сомнения решил присоединиться к очередной американской кампании против еще одной страны, входящей, по мнению США, в так называемую «ось зла», – против Ирака. Основанием для такого шага стало бездоказательное обвинение Багдада в создании оружия массового поражения, которое якобы могло попасть в руки террористов. Летом 2000 г. и в феврале 2001 г. американские и британские ВВС уже наносили бомбовые удары по Ираку, а в марте 2003 г. союзники начали наземную операцию по свержению режима Саддама Хусейна. В период активных боевых действий британский экспеди-

ционный корпус насчитывал до 8,5 тыс. человек, а для его содержания был сформирован специальный фонд в размере 3 млрд ф. ст. [Ripley, 2014, p. 41]. Очевидно, что практически одновременное вступление Великобритании в иракскую и афганскую кампании абсолютно противоречило стратегии, сформулированной в 1998 г. Оно не имело ничего общего с задекларированным стремлением проводить краткосрочные победоносные операции, которые приносили бы максимальные дивиденды при минимальных затратах. В итоге в период правления Т. Блэра британские военные были задействованы в пяти зарубежных военных операциях, а афганская кампания оказалась самой продолжительной в новейшей истории страны [Taylor, Waldman, Gick, 2008, p. 55–63]. Доминирующим и определяющим принципом стал интервенционистский подход к внешней политике, предполагавший возможность силового решения проблем, а также допустимость и достаточность лишь общего этического оправдания для вооруженного вмешательства с целью продвижения демократических ценностей западного образца, защиты прав и свобод человека.

Перезагрузка мистера Г. Брауна

В 2007 г., после ухода Т. Блэра в отставку и замены его на постах лидера Лейбористской партии и премьер-министра на бывшего министра финансов Г. Брауна, не имевшего достаточного опыта во внешнеполитических вопросах, сложились предпосылки для некоторой корректировки откровенно интервенционистского подхода к участию Соединенного Королевства в вооруженных конфликтах. Кроме того, набравший обороты мировой финансовый кризис заставлял правительство Ее Величества уделять практически все свое внимание проблемам социально-экономического развития страны и существенно ограничивал финансовые возможности участия британских вооруженных сил в военных конфликтах. Понимая, что материальных и военных ресурсов для осуществления более или менее долгосрочных вооруженных операций у страны просто нет, британские политики были вынуждены более реалистично оценивать возможности страны. Свою роль сыграло и возрастающее с каждым годом негативное отношение

общественности к участию Великобритании в афганской и иракской войнах, что стало одной из причин не только отставки Т. Блэра, но и фактически краха его надежд на продолжение политической карьеры. Учитывая эти обстоятельства, Г. Браун попытался несколько дистанцироваться от политики прежнего лидера лейбористов. В 2007 г. он, в частности, инициировал процесс поэтапного вывода британских войск из Ирака, который был завершен летом 2009 г. [Timeline: Iraq., 2016].

Однако очевидно и то, что новому премьер-министру было крайне сложно осуществить радикальную смену курса. Роль младшего партнера в рамках «особых отношений» с США заставляла его продолжать выполнять принятые на себя долгосрочные союзнические обязательства в военной сфере и в том числе тратить на них немалые средства в сложных условиях экономической рецессии. В частности, Г. Браун решительно выступил против вывода британских войск из Афганистана. В пропагандистских целях была задействована королевская семья. Принц Гарри, который первоначально должен был быть отправлен для прохождения воинской службы в Ирак, с декабря 2007 г. по февраль 2008 г. находился в Афганистане, выполняя обязанности наводчика авиации и получив по результатам военной службы звание лейтенанта [Prince Harry's., 2018].

В октябре 2009 г. в связи с резко обострившейся ситуацией в противостоянии с талибами премьер-министр заявил о намерении увеличить контингент в Афганистане до максимальной за всю историю кампании численности – 9,5 тыс. человек [The UK's work., 2014]. В итоге 2009 г. стал рекордным по количеству безвозвратных потерь британской армии в этом конфликте – 109 военнослужащих [UK troops., 2015]. Очевидно, что столь неудачное развитие ситуации требовало корректировки изначальной интервенционистской стратегии, но, к удивлению многих экспертов, этого не произошло.

Важную роль в сохранении прежнего курса кабинета Г. Брауна сыграло членство Великобритании в Европейском союзе и военно-политических блоках, диктовавшее необходимость участия в реализации общей политики в области безопасности и обо-

роны. В частности, в декабре 2008 г. Соединенное Королевство предоставило два фрегата для операции военно-морских сил стран ЕС и НАТО «Аталанта», призванной покончить с захватом пиратами судов в прибрежных водах Сомали. При этом общее руководство группировкой сил осуществлял британский генерал-майор М. Смит, а штаб-квартира командования, координировавшего действия европейских стран в этой миссии, была размещена в Лондоне.

Одновременно новый кабинет стал гораздо больше внимания уделять невоенным инструментам и механизмам по предотвращению и урегулированию конфликтов. Именно в период премьерства Г. Брауна в полной мере развернул свою деятельность созданный еще при Т. Блэре в 1997 г. Департамент международного развития, координировавший вопросы предоставления британской помощи развивающимся странам с целью достижения «Целей развития тысячелетия», установленных ООН в 2000 г., и устранения причин возникновения вооруженных конфликтов в «третьем мире» [Department for International., 2018]. К этому времени новое правительственное ведомство смогло наладить вполне эффективное сотрудничество и взаимодействие как с Министерством иностранных дел и по делам Содружества, так и с Министерством обороны, следствием чего стали смена тактики и стремление реализовывать меры, направленные на то, чтобы добиться внутреннего примирения, завоевать доверие местных жителей.

Были и другие подтверждения того, что прежняя интервенционистская стратегия «новых лейбористов» в отношении участия Великобритании в вооруженных конфликтах в целом остается прежней и лишь незначительно корректируется. В частности, Г. Браун и его кабинет так и не решились на очевидно назревший пересмотр «Стратегического оборонного обзора», принятого еще в 1998 г. Несмотря на то что с тех пор ситуация в мире значительно изменилась, возникли новые вызовы и угрозы британским национальным интересам, премьер-министр совместно с министром иностранных дел Д. Милибэндом в своих публичных выступлениях вплоть до конца первого десятилетия XXI в. в качестве важных принципов внешней политики Великобритании по-прежнему на-

зывали «ответственность по защите» и говорили о необходимости многосторонних гуманитарных интервенций [Taylor, Waldman, Gick, 2008, p. 87]. Более того, даже несмотря на постоянные сокращения, а также проблемы, связанные с экономическим кризисом, в 2009 г. оборонный бюджет Великобритании был больше, чем у любой другой страны ЕС [UK defence., 2009]. Не претерпели существенных изменений и основные представления о миссии, задачах и практической деятельности Министерства обороны.

«Новое вино в старые мехи»

Окончание 13-летнего политического доминирования лейбористов и приход к власти в 2010 г. коалиции консерваторов и либеральных демократов вполне логично дали старт пересмотру стратегических внешнеполитических приоритетов, выработке нового видения вооруженных конфликтов в политической повестке Великобритании. Примечательно, что разработка этих вопросов с самого начала оказалась в руках представителей партии тори, занявших ключевые посты в Министерстве иностранных дел и по делам Содружества. Уже 1 июля 2010 г. его глава У. Хейг в первой своей программной речи отмечал возрастание роли новых угроз – терроризма, кибератак, возможности применения химического и биологического оружия, а также констатировал «изменение природы международных конфликтов». Кроме того, он пообещал, что Лондон больше не будет постоянно оглядываться на Вашингтон, как это делали «новые лейбористы» [Hague, 2010]. Правительство Д. Кэмерона стремилось продемонстрировать британцам и миру, что, в отличие от своих предшественников, оно учитывает особенности современной повестки дня, сумеет сделать выводы из допущенных лейбористами ошибок и готово предложить свои, правильные и эффективные варианты решения проблем.

Обращает на себя внимание и то, что даже необходимость согласования позиций между партнерами по коалиции не стала серьезной преградой в деле формирования новой стратегии национальной безопасности. Уже в ноябре 2010 г. кабинет Д. Кэмерона представил общественности документ «Сильная Британия в эпоху неопределенности», где отмечалось, что «большая война»

маловероятна, а страны, обладающие сильной, высокотехнологичной, современной армией в качестве вероятного противника, даже не рассматривались. Основными угрозами для Соединенного Королевства, которые, по мнению авторов документа, могли бы стать причиной использования вооруженных сил, в обозримой перспективе были: кризисы в международных отношениях, международный терроризм, кибератаки и катастрофы национального уровня [A strong Britain..., 2010, p. 13–19]. Примечательно, что кризисы в международных отношениях, которые, как известно, могут привести к серьезным вооруженным столкновениям, согласно новой стратегии, подразумевали только возможность возникновения локальных военных конфликтов низкой интенсивности. При этом, как отмечалось в документе, Великобритания будет принимать участие в таких конфликтах только в составе коалиционных сил [Ibid., p. 15]. Данный подход, как представляется, закреплял очевидное стремление правительства консерваторов и либеральных демократов вопреки всем предвыборным обещаниям дать новый импульс «особым отношениям» с США и максимально использовать их с целью обеспечения национальных интересов Соединенного Королевства. Вашингтону посылался ясный сигнал о том, что Лондон и дальше будет поддерживать американские вооруженные операции в качестве верного и надежного младшего партнера. Необходимо также отметить, что в новой стратегии безопасности преобладали громкие, но крайне обтекаемые формулировки. Авторы старательно избегали четких определений, пытались по-новому или более широко трактовать многие понятия. Тем не менее данный документ был составлен, вне всякого сомнения, в рамках глобалистского подхода, стремления зафиксировать наличие британских интересов в разных частях мира: например, допускалась возможность применения вооруженных сил Соединенного Королевства в различных регионах – от Западной Африки до Юго-Восточной Азии.

Подход коалиционного правительства к возможному участию Великобритании в вооруженных конфликтах обрел более конкретные очертания в планах военного строительства, разработанных на основе новой стратегии, в частности в документе

«Трансформация британской армии», созданном под руководством генерал-лейтенанта Н. Картера, имевшего за плечами боевой опыт службы в Афганистане [Transforming., 2012]. Было предложено три возможных сценария участия страны в вооруженных конфликтах. Согласно первому сценарию, Великобритания могла позволить себе одновременное ведение одной крупной и относительно длительной «операции по стабилизации обстановки», предполагающей использование до 6,5 тыс. военнослужащих, а также одно непродолжительное «вооруженное вмешательство» (до 2 тыс. человек) и одну непродолжительную маломасштабную акцию (до 1 тыс. военнослужащих). Вторым сценарием предусматривалась допустимость одновременного проведения трех краткосрочных операций по «вооруженному вмешательству» (до 2,5 тыс. военнослужащих, участвующих в каждой из них). Однако обязательным условием в таком случае должно было стать гарантированное неучастие в любом крупном вооруженном конфликте. Третьим сценарием допускалось участие всего в одной масштабной операции, но в течение не более десяти недель, с выделением контингента военнослужащих не более 30 тыс. человек.

Приоритетной задачей задуманной реформы было «создание армии, которая структурно и функционально будет подготовлена к ведению операций разной продолжительности, готовой действовать в чрезвычайных ситуациях, а также постоянно и тесно взаимодействовать с британским обществом и гражданами за рубежом с целью реализации всех возможных мер для предотвращения и урегулирования конфликтов, а также постконфликтного восстановления» [ibid., p. 3]. Таким образом, коалиционное правительство как на уровне стратегических замыслов, так и в практической плоскости военного строительства и модернизации армии стремилось исходить из трезвой оценки существующего потенциала своих вооруженных сил. Также оно пыталось доказать избирателям, что из ошибок лейбористов, вовлекших страну в длительные, дорогостоящие и непопулярные войны, будут извлечены необходимые уроки.

Однако в реальной политике слова, как известно, часто расходятся с делом. В частности, еще в 2010 г. Д. Кэмерон заявил о на-

мерении сохранить британский военный контингент в Афганистане, несмотря на очевидное отсутствие успехов в этой войне и безрезультатные попытки привести к власти в Кабуле устойчивое и устраивающее западную коалицию правительство. Великобритания по-прежнему тратила около 6 млрд ф. ст. ежегодно и продолжала нести людские потери в этом затянувшемся и не имеющем ясных перспектив конфликте. В итоге британские войска оставались в Афганистане до октября 2014 г., когда были эвакуированы последние солдаты с базы Кэмп-Бастион. Общие затраты на афганскую кампанию составили 40 млрд ф. ст., а людские потери – 456 военнослужащих [UK troops., 2015].

Новый кабинет в ряде случаев проявлял даже большую агрессивность и готовность ввязаться в вооруженные конфликты, нежели критикуемые Д. Кэмероном «новые лейбористы». В этом смысле показателен пример британской политики в отношении Ливии. Если правительство Т. Блэра в свое время делало ставку на нормализацию отношений с Триполи – были восстановлены дипломатические отношения, развивались торгово-экономические и гуманитарные связи, – то коалиционное правительство предпочло более жесткий курс. Именно Великобритания совместно с Францией стала организатором военной операции против режима М. Каддафи в марте – октябре 2011 г. Очередная «маленькая победоносная война», предполагавшая достижение желаемой цели за счет технического превосходства (нанесение авиационных ударов и отказ от наземной операции), была призвана укрепить весьма шаткие позиции нового коалиционного правительства. Операцией против режима М. Каддафи под кодовым названием «Эллами» руководил маршал авиации С. Пич. В операции были задействованы королевские военно-воздушные и военно-морские силы, а общие расходы, по официальным данным, составили 212 млн ф. ст. [Operations., 2012, p. 10].

Кабинет Д. Кэмерона продемонстрировал готовность прибегнуть к силовому сценарию решения очередной региональной проблемы и в случае сирийского кризиса. После начала гражданской войны в Сирии Лондон и Вашингтон сделали ставку на свержение президента Б. Асада. В ноябре 2012 г. премьер-министр зая-

вил о возможности военного варианта свержения сирийского лидера, а руководитель штаба обороны генерал Д. Ричардс разработал план ограниченного военного участия Великобритании в этом конфликте [Spencer, 2014]. Однако в тот момент намерениям коалиционного правительства не суждено было сбыться. В августе 2013 г., на фоне обвинений в применении химического оружия в пригороде Дамаска, выдвинутых против правительства Сирии, США, Великобритания, Франция и Турция призвали к проведению «ограниченной военно-воздушной операции» против режима Б. Асада. Вместе с тем против вооруженного вмешательства в сирийский конфликт выступили ЕС, Германия и не менее 11 стран НАТО.

Общественное мнение в Соединенном Королевстве также было против втягивания страны в очередной военный конфликт. Согласно данным опроса общественного мнения, проведенного в конце марта 2013 г. компанией «Ю.Гов» (YouGov), 75% британцев негативно отнеслись бы к идее отправки британских солдат для оказания помощи противникам Б. Асада и всего 8% поддержали бы данное решение [Kellner, 2013]. Отношение подданных Ее Величества к возможности участия их страны в очередном вооруженном конфликте диаметрально отличалось от того, что было в период начала ливийской кампании всего два года назад. Несмотря на это, Д. Кэмерон все же решил вынести вопрос об участии Великобритании совместно с США в боевых действиях против правительственных войск в Сирии. 29 августа 2013 г. депутаты Палаты общин 285 голосами против 272 высказались против такого решения [Syria crisis., 2013]. Коалиционный кабинет был вынужден прислушаться к мнению представителей народа и отказаться от своих первоначальных планов.

Неожиданные для многих итоги всеобщих парламентских выборов 2015 г. привели к формированию однопартийного консервативного правительства Д. Кэмерона, которое теперь получило возможность реализовывать собственную внутри- и внешнеполитическую программу без оглядки на мнение партнеров по коалиции. Принятие уже в ноябре 2015 г. «Стратегии национальной обороны и безопасности и обзора стратегической обороны и

безопасности Великобритании» – нового основополагающего документа в области внешнеполитического планирования и военного строительства – должно было продемонстрировать избирателям, что тори осознают те перемены, которые произошли в мире и стране за последние пять лет и готовы предложить адекватные ответы на актуальные проблемы и вызовы.

Одной из ключевых новаций данной стратегии стало намерение британских властей впервые после длительного периода сокращений расходов на оборону перейти к их увеличению. В предисловии, написанном лично премьер-министром, отмечалось, что постоянные угрозы со стороны международного терроризма, нестабильность ситуации на Ближнем Востоке и в других регионах мира, кризис на Украине, а также все возрастающее количество кибератак диктуют Соединенному Королевству необходимость «осуществить дополнительные инвестиции в собственную национальную безопасность» [National security..., 2015, p. 5].

На наш взгляд, помимо изменения международно-политической ситуации в мире, возникновения предпосылок для активизации старых и развития новых региональных конфликтов, а также появления новых нестандартных угроз, важную роль в смене данного тренда сыграло и существенное улучшение экономических показателей страны. Великобритания смогла не только преодолеть последствия мирового финансового кризиса, начавшегося в 2007 г. и заставлявшего британское правительство проводить политику сокращения государственных расходов, но и сумела сохранить одни из лучших в Европе темпы хозяйственного роста. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что опыт участия в вооруженных конфликтах первого десятилетия нынешнего века выявил наличие проблемных секторов в планировании и проведении военных операций, в организации взаимодействия между политическим и армейским руководством, показал необходимость обновления или модернизации некоторых видов вооружения, а также перестройки структуры армии.

Вместе с тем стратегия 2015 г. демонстрировала и очевидную преимущество с предыдущими документами этого типа. В частности, повторялся постулат о том, что непосредственной прямой

угрозы военного нападения на территорию Соединенного Королевства не существует, хотя отмечалось, что вероятность возникновения международных конфликтов, в которые будут вовлечены и британские войска, по-прежнему высока. При этом указывалось, что такие вооруженные столкновения, скорее всего, будут носить асимметричный и гибридный характер, что усложнит задачу эффективного реагирования на них. С точки зрения угрозы для национальной безопасности такие конфликты были поставлены в новой стратегии на третье место после международного терроризма и киберугроз. В числе регионов, где существует серьезная опасность эскалации конфликтов или возникновения вооруженного противостояния, авторы стратегии называли Ближний Восток, Северную Африку, восток Украины, Южную и Юго-Восточную Азию.

Принципы взаимоотношений с союзниками, включая постулат о том, что участие Великобритании в военных операциях возможно лишь в составе коалиций, также не претерпели особых изменений. Авторы стратегии подчеркнули необходимость сохранения и укрепления «особых отношений» с США – страной, которая, по их мнению, «является мировым лидером в экономической и оборонной сферах», на которую «мир смотрит как на гаранта глобальной стабильности, способного руководить действиями международного сообщества, предпринимаемыми в ответ на кризисы» [National security..., 2015, p. 51]. Консерваторы подтвердили намерение в полной мере выполнять все свои обязательства в рамках НАТО и поддерживать уровень расходов на оборону в размере 2% ВВП.

В качестве основных задач британских вооруженных сил в современных военных конфликтах были названы следующие:

- защита территории Соединенного Королевства, заморских территорий и граждан страны;
- обеспечение международной безопасности и укрепление военного потенциала союзников по коалициям;
- проведение боевых операций по восстановлению мира и стабильности, а также гуманитарных операций [Ibid., p. 11–12].

Для выполнения этих задач предлагалось увеличить численность королевских военно-морских и военно-воздушных сил и осуществить программу перевооружения всех родов войск. Отдельно отмечалась необходимость довести к 2025 г. размер экспедиционных сил с 30 тыс. до 50 тыс. человек и оснастить их новейшей техникой и оружием [National security..., 2015, p. 6]. По замыслу политического руководства страны, это должно было позволить Великобритании одновременно принимать участие в нескольких региональных вооруженных конфликтах, а именно:

- участвовать в одной операции средней интенсивности и масштаба (например, в составе миссии союзников в Афганистане);
- принимать участие в ряде вспомогательных миссий (например, по борьбе с терроризмом или пиратством) или осуществлять постоянное военное присутствие в стратегически важных регионах (Персидский залив);
- реализовывать несколько миссий по обеспечению обороны важных для Соединенного Королевства стран, предусматривающих отправку туда военных советников и инструкторов.

В целом, оценивая британскую «Стратегию обороны и безопасности», принятую в 2015 г., можно констатировать, что она в значительной мере продемонстрировала преемственность с прежними концепциями участия страны в вооруженных конфликтах. Образно говоря, консервативный кабинет попытался «наполнить новым вином старые мехи». Стремление Великобритании позиционировать себя в качестве сильной державы, имеющей серьезные политические и экономические интересы в разных регионах мира и намерение их отстаивать, в том числе и при помощи военной силы, никуда не исчезло. Надежды на то, что при помощи союзников и благодаря «особым отношениям» с США получится «ударить сверх возможностей», также сохранились. С другой стороны, не слишком удачный опыт участия в афганской и иракской кампаниях, появление новых, нестандартных угроз и вызовов безопасности заставил британские власти отказаться от прежней ставки на сокращение армии и оборонных расходов.

В области реальной политики консервативный кабинет Д. Кэмерона также попытался продемонстрировать готовность к

более агрессивным и решительным действиям при участии в вооруженных конфликтах. Прежде всего это относится к ситуации в Сирии, которая исторически входит в сферу британских интересов на Ближнем Востоке. В конце 2015 г., после начала операции российских Воздушно-космических сил, имеющей целью поддержку правительственных войск Б. Асада, когда борьба с террористическими организациями в регионе перешла в новую фазу и положение дел стало меняться, США и их союзники по международной коалиции также решили перейти к более активным действиям. В этих условиях британский премьер-министр вернулся к вопросу о вооруженном участии Соединенного Королевства в сирийском конфликте. 2 декабря 2015 г. в Палате общин были организованы специальные слушания, в ходе которых правящая фракция в качестве аргументов в пользу законности такого вмешательства приводила положения резолюции СБ ООН 2249 (2015) («Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами»), призывающей «принимать все необходимые меры» против террористических группировок [Resolution., 2015]. На этот раз кабинету Д. Кэмерона удалось убедить депутатов, и 397 голосами против 223 они поддержали решение о присоединении Соединенного Королевства к бомбардировкам, осуществляемым союзниками в Сирии [Piper, MacLellan, 2015].

Стратегический характер такого шага консервативного правительства вполне очевиден. Принимая участие в сирийском конфликте, Великобритания, во-первых, демонстрирует наличие собственных интересов в важном для себя регионе; во-вторых, увязывает борьбу с террористами в Сирии с предотвращением новых атак радикальных исламистов в европейских городах; в-третьих, сохраняет свой имидж значимой военной державы; наконец, в-четвертых, закрепляет за собой право участия в переговорах по заключению соглашений о постконфликтном урегулировании. Примечательно, что уже на следующий день после голосования в Палате общин истребители-бомбардировщики «Торнадо» королевских военно-воздушных сил совершили первые боевые вылеты и нанесли удары по позициям террористов в Сирии [Syria air strikes., 2015].

Тем не менее после проведенного в июне 2016 г. референдума о членстве Великобритании в ЕС консерваторам пришлось внести значительные коррективы в свои геостратегические планы, связанные с перспективой использования вооруженных сил в качестве инструмента для решения международных проблем. Победа евроскептиков привела к отставке Д. Кэмерона и политическому кризису в стране, итогом которого стал очередной «подвешенный парламент». Новый премьер-министр Т. Мэй сохранила власть лишь благодаря поддержке депутатов от Демократической юнионистской партии. При отсутствии подавляющего большинства в Палате общин, а также на фоне масштабных финансовых потерь, неизбежных при выходе из ЕС, возможности для проведения агрессивной внешнеполитической линии, сопряженной с участием в боевых действиях в уже существующих очагах напряженности или в новых вооруженных конфликтах, существенно сокращаются. Не ясны и перспективы дальнейшей модернизации британской армии.

С другой стороны, после выхода из ЕС Соединенному Королевству придется не только искать новых торговых партнеров и рынки, но и вернуться к проведению более самостоятельной внешней политики, поскольку поддержка и содействие Брюсселя останутся в прошлом. Это, скорее, будет способствовать росту противоречий и увеличению вероятности возникновения новых конфликтов в разных частях мира.

В любом случае, на сегодняшний день Соединенное Королевство остается одним из ключевых игроков в международных отношениях, а также прямым либо косвенным участником всех основных вооруженных конфликтов регионального или локального характера. В 1993 г. Дуглас Хёрд, глава Форин-офиса в кабинете Дж. Мейджора, сформулировал знаменитый внешнеполитический принцип «ударить сверх возможностей». Можно с уверенностью утверждать, что для внешней политики Соединенного Королевства этот лозунг не утратит своей актуальности и в обозримой перспективе, невзирая на постоянное уменьшение доли страны в мировой экономике, внутри- и внешнеполитические проблемы, поскольку он позволяет Лондону сохранять свое место в группе

наиболее влиятельных государств, выступающих в качестве субъектов современных глобальных процессов.

Список литературы

A strong Britain in an age of uncertainty: The national security strategy / HM Government. – L., 2010. – 39 p. – Mode of access: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20121018134855/http://www.direct.gov.uk/prod_consum_dg/groups/dg_digitalassets/@dg/@en/documents/digitalasset/dg_191639.pdf (Дата обращения – 30.04.2018).

Blair T. A journey. – L.: Arrow, 2010 а. – 768 p.

Blair T. Military intervention in rogue regimes «more necessary than ever» // The Guardian. – L., 2010 b. – 01.09. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2010/sep/01/tony-blair-military-intervention-necessary> (Дата обращения – 30.04.2018).

Department for International Development (DFID): About us / HM Government. – L., 2018. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/organisations/department-for-international-development/about> (Дата обращения – 30.04.2018).

Doctrine of the international community / HM Prime Minister's Office. – L., 1999. – 24.04. – Mode of access: [http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.number10.gov.uk/Page1297](http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+/http://www.number10.gov.uk/Page1297) (Дата обращения – 30.04.2018).

Hague W. Britain's foreign policy in a networked world / HM Government. – L., 2010. – 01.07. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/britain-s-foreign-policy-in-a-networked-world--2> (Дата обращения – 30.04.2018).

H.R. 1511: To award a congressional gold medal to Prime Minister Tony Blair / US Government. 108 th Congress. – Wash., D.C., 2003. – 23.06. – Mode of access: <https://www.congress.gov/bill/108th-congress/house-bill/1511/text> (Дата обращения – 30.04.2018).

Kellner P. Syria: Cameron, Hollande at odds with voters // YouGov. – L., 2013. – 21.03. – Mode of access: <http://yougov.co.uk/news/2013/03/21/syria-cameron-hollande-odds-voters> (Дата обращения – 30.04.2018).

National security strategy and strategic defence and security review 2015: A secure and prosperous United Kingdom / HM Government. – L., 2015. – 96 p. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf (Дата обращения – 30.04.2018).

Operations in Libya: Ninth report of session 2010–12 / HM Government. House of Commons. – L., 2012. – 132 p. – Mode of access:

<https://publications.parliament.uk/pa/cm201012/cmselect/cmdfence/950/950.pdf> (Дата обращения – 30.04.2018).

Owen D., Davidson J. Hubris syndrome: An acquired personality disorder? A study of US Presidents and UK Prime Ministers over the last 100 years // *Brain*. – Oxford: Oxford univ. press, 2009. – Vol. 132, Issue 5. – P. 1396–1406. – Mode of access: <https://academic.oup.com/brain/article/132/5/1396/354862> (Дата обращения – 30.04.2018).

Peace support operations: Joint warfare publication 3–50 / HM Government, Ministry of defence. – L., 2000. – 172 p.

Piper E., MacLellan K. Parliament votes to bomb Islamic State in Syria // *Reuters*. – L., 2015. – 03.12. – Mode of access: <https://uk.reuters.com/article/uk-mideast-crisis-syria-britain/british-parliament-votes-to-bomb-islamic-state-in-syria-idUKKBN0TK4QO20151203> (Дата обращения – 30.04.2018).

Prince Harry's military career / *UK Royal*. – L., 2018. – Mode of access: <https://www.royal.uk/prince-harrys-military-career> (Дата обращения – 30.04.2018).

Resolution 2249 (2015) / UN. Security Council. – N.Y., 2015. – 20.11. – 2 p. – Mode of access: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2249\(2015\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2249(2015)) (Дата обращения – 30.04.2018).

Ripley T. Operation Telic: The British campaign in Iraq 2003–2009. – L., 2014. – 472 p.

Spencer R. Britain drew up plans to build 100,000-strong Syrian rebel army // *The Telegraph*. – L., 2014. – 04.07. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/10947773/Britain-drew-up-plans-to-build-100000-strong-Syrian-rebel-army.html> (Дата обращения – 30.04.2018).

Strategic defence review presented to Parliament by the Secretary of State for defence by command of Her Majesty / HM Government. – L., 1998. – 390 p. – Mode of access: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20121026065214/www.mod.uk/NR/rdonlyres/65F3D7AC-4340-4119-93A2-20825848E50E/0/sdr1998_complete.pdf (Дата обращения – 30.04.2018).

Syria air strikes: RAF Tornado jets carry out bombing // *BBC*. – L., 2015. – 03.12. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-34992032> (Дата обращения – 30.04.2018).

Syria crisis: Cameron loses Commons vote on Syria action // *BBC*. – L., 2013. – 30.08. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-23892783> (Дата обращения – 30.04.2018).

Taylor C., Waldman T., Gick S. British defence policy since 1997 / HM Government. House of Commons. – L., 2008. – 27.06. – 134 p. – Mode of access:

<http://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/RP08-57>
(Дата обращения - 30.04.2018).

The UK's work in Afghanistan: Timeline / HM Government. - L., 2014. - 14.01. - Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/uks-work-in-afghanistan/the-uks-work-in-afghanistan-timeline> (Дата обращения - 30.04.2018).

Timeline: Iraq war // BBC. - L., 2016. - 05.07. - Mode of access: <http://www.bbc.com/news/magazine-36702957> (Дата обращения - 30.04.2018).

Transforming the British Army: Modernising to face an unpredictable future / HM Government. - L., 2012. - 16 p. - Mode of access: https://web.archive.org/web/20130418031611/http://www.army.mod.uk/documents/general/Army2020_brochure.pdf (Дата обращения - 30.04.2018).

UK defence policy // Financial Times. - L., 2009. - 15.12. - Mode of access: <https://www.ft.com/content/e20b1c4a-e9af-11de-9f1f-00144feab49a>
(Дата обращения - 30.04.2018).

UK troops in Afghanistan: Timeline of key events // BBC. - L., 2015. - 22.12. - Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-35159951> (Дата обращения - 30.04.2018).